

На правах рукописи

Дрейфельд

Дрейфельд Оксана Викторовна

**ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР ГЕРОЯ
КАК ПОНЯТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ**

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва, 2014.

Работа выполнена на кафедре теории литературы и зарубежных литератур
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Фуксон Леонид Юделевич**

Официальные оппоненты:

**Семёнова Нина Васильевна – доктор филологических наук, ФГБОУ ВПО
«Тверской государственной университет», заведующая Кафедрой теории
литературы Филологического факультета.**

**Холиков Алексей Александрович - кандидат филологических наук, ФГБОУ
ВПО «Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
преподаватель кафедры теории литературы Филологического факультета**

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВПО Новосибирский
«Государственный Педагогический Университет»**

Защита состоится «__» _____ 2014 года на заседании диссертационного совета
Д 212.198.04 (филологические науки), при ФГБОУ ВПО «Российский
государственный гуманитарный университет»
по адресу: 125993, г. Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке
ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (по
адресу г. Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6, к. 7, ауд. 273) и на сайте РГГУ:
<http://dissovet.rggu.ru>

Объявление о защите и автореферат размещены на сайте <http://vak.ed.gov.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2014 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета Д 212.198.04
доктор филологических наук, доцент

Бойко С. С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Явление, обозначенное в предлагаемой работе как «воображаемый мир героя», обращает исследователя к одному из основополагающих аспектов поэтики литературного произведения – к образу человека в литературе.

Литературное произведение, как известно, не ограничивается наблюдением лишь за внешними проявлениями человека в мире, но обладает способностью схватывать и его внутренние состояния и побуждения.

Одна из таких внутренних характеристик литературного героя – модальность возможного, желаемого, воспоминаемого, воображаемого – тяготеет к оформлению в образ реальности, занимающий положение особого «слоя» в изображённом автором мире. Этот образ реальности может развёртываться в форме сновидения, грёзы, мечты, галлюцинации, миража, возникающего в воображении персонажа-творца образа произведения; «виртуального мира», воспоминания.

Множество этих конкретных форм объединяет то, что ценностно значимый для автора познавательно-этический (а в отдельных случаях и эстетический) опыт героя при их посредничестве развёртывается в образ мира. Изображение человека в этом случае сопровождается намеренным акцентированием идеально-смысловой активности, присущей ему. Внутри образа реальности, созданного автором, появляется образ реальности, отнесённый к осознанно или бессознательно воображающему герою («мир в мире»). Такой образ мира, отнесённый к персонажу, мы и предлагаем обозначить как **«воображаемый мир героя»**, или **«воображаемую реальность»**.

Это явление долгое время включалось в литературоведческих исследованиях в несколько разных предметных областей.

Во-первых, оно входило в такую предметную область, как «внутренний мир действующих лиц». Теоретико-литературное направление, которое рассматривало *воображаемый мир* как элемент «внутреннего мира» персонажа, в целом было сосредоточено на изучении «психологизма» как приёма изображения человека в литературе (исследования И. В. Страхова, Е.

Эткинда, А. Есина, Л. Гинзбург, В. Гудонене, О. Б. Золотухиной и др.). В англо-американском литературоведении соответствующая линия исследований «внутреннего мира» персонажа породила категорию «Fictional Mind» (вымышленное сознание). Она используется в анализе функционирования «вымышленных сознаний» персонажей (*functioning of the minds of characters*) в построении сюжета и в организации нарратива (исследования А. Палмера, К. Меллман и др.)

Во-вторых, оно связывалось с таким понятием, как «двоемирие» (принцип организации художественной реальности, для которого характерно неперенное «противоречие», противопоставление «идеального мира» «реальному», возникший в западноевропейском романтизме). Теоретико-литературное направление, которое рассматривало *воображаемый мир персонажа* как элемент «двоемирной» пространственно-временной организации произведения, в целом было сосредоточено на изучении «взаимоотношения и отталкивания» реального и воображаемого в художественном мире произведения (исследования Ю. В. Манна, Н.Я. Берковского, А. А. Елистратовой, Ф. П. Фёдорова и др.).

В-третьих, *воображаемая* природа событий, происходящих с персонажем, противопоставлялась их возможной *чудесной* природе или *объективно-реальной*, представляющей собой *необычное*, но несомненно *действительное* совпадение. Такое истолкование было характерно для направления, включающего *воображаемый мир персонажа* в число *способов нарушения «жизнеподобия»* и сосредоточенного на изучении «фантастики» как приёма изображения мира и человека (исследования Цв. Тодорова, Л. Ковтун, Ж. Старобинского, Е. Г. Чернышевой, Р. Лахман и др.).

Далее, образ реальности, возникающий в сознании персонажа-творца художественного произведения, рассматривался в рамках направления, изучающего «металитературность» как свойство произведений, осуществляющих «саморефлексию» литературы как вида искусства (исследования Д. П. Бака, В. Е. Зусевой-Озкан, М. А. Хатямовой, Р. Имхофа, М. Шеффеля, П. Во и др.).

Однако при рассмотрении отнесённого к персонажу образа реальности имеет смысл, в первую очередь, поставить вопрос о том, *что он собой представляет* как явление эстетики и поэтики литературного произведения? Какое понятие наиболее точно схватывает смысл этого явления? Может ли данному понятию быть придан статус термина? Постановка этих вопросов определяет цель предлагаемого исследования.

Цель исследования – описание явления поэтики литературного произведения, обозначенного как «воображаемый мир героя», и изучение инструментального потенциала понятия, ему соответствующего.

Достижение цели требует решения следующих **задач**:

- Определить конкретные формы художественного изображения, которые охватываются понятием «воображаемый мир героя»; определить, произведения каких родов литературы способны к изображению этого явления;

- Выявить устойчивые варианты ценностного соотношения воображающего героя, другого (воспринимающего персонажа), автора;

- Описать и систематизировать наблюдаемые свойства художественных произведений, включающих воображаемый мир героя; выработать инструменты и механизмы анализа, позволяющие интерпретировать смысл таких произведений;

- Определить возможности понятия «воображаемый мир героя» как инструмента анализа литературных произведений разных родов литературы.

Поставленные задачи предполагают соотнесение понятия «воображаемый мир героя» с системой понятий и терминов теоретической поэтики. Такую систему в исследовании образуют понятия «эстетики словесного творчества» М.М. Бахтина (архитектоника, кругозор, окружение, эстетическое завершение), понятия аксиологии литературного произведения (ценностная структура, оценка), нарратологии («субъектная» и «повествовательная» структура, «повествовательная перспектива», «точка зрения»), традиционные для литературоведения понятия («хронотоп», «сюжет», «сюжетная ситуация», «событие», «герой», «персонаж»).

Положения, выносимые на защиту:

1. «Воображаемый мир героя» - это изображённый автором как «мир в мире» особый модус жизненной активности персонажа, представляющей собой осознанное или бессознательное образотворчество.

2. Воображение как специфическая интенция изображённого в произведении субъекта обуславливает угол зрения и ракурс оценки субъектом окружающей его действительности. И в то же время формирует объект оценки – воображаемый мир.

3. Развёртывание предельно субъективированной позиции героя в образ реальности создаёт эстетическую проблему изображения, связанную с необходимостью *показа* воображающего персонажа «изнутри» и «извне».

4. Изображение «мира в мире» с двух ракурсов видения одновременно – «субъективирующего» и «объективирующего» – наиболее доступно для эпики.

5. Архитектоническая форма «мира в мире» вводится автором в эстетический объект эпического произведения как специфический способ освещения позиций автора и персонажа. Оставаясь доступной наблюдению «сообщающей позиции» повествующего субъекта, внутренняя позиция персонажа дополнительно объективируется, реализуясь в воображаемый мир. Это делает позицию героя доступной рефлексии самого героя или других персонажей.

6. При сохранении в одних случаях в изображении воображаемого мира героя «общей формулы основного эстетически продуктивного отношения автора к герою» (М. Бахтин), возможны и другие (альтернативные) варианты его «завершения». В некоторых случаях внутренняя граница личности воображающего героя, подвижная за счёт включения в процесс самоопределения коммуникации с воображаемым миром («встречи», познания и пересечения ценностных границ «воображаемого» и «реального», «внутреннего» и «внешнего» миров), требует альтернативных способов авторского завершения такого героя.

7. Для произведений, включающих воображаемый мир героя, характерны два основных типа сюжета: «оконтуривания» и «размывания» границ воображаемого и реального.

9. Для повествовательной структуры произведений, включающих воображаемый мир героя, характерно использование композиционно-речевых

форм, подразумевающих нарушение границ или даже слияние субъектов высказывания, самих высказываний.

Методы исследования, используемые в работе, – это, во-первых, *феноменологический*, предполагающий описание воображаемого мира как интенционального объекта с имманентно присущими ему смыслами. Осуществляется *интерпретация* воображаемого мира героя как предмета оценки субъектов познавательно-этического (герои) и эстетического уровня (автор и читатель) в контексте смыслового целого конкретных литературных произведений, то есть используется *герменевтический* метод. Также производится *логико-понятийный* (связанный с необходимостью анализа явлений, существующих понятий и терминов и их границ), *типологический* (обеспечивающий соотнесение конкретных образов «мира в мире» героя с общими вариантами и типами хронотопа, сюжета, повествования) и *компоративный* анализ аспектов поэтики литературных произведений.

Теоретической и методологической базой исследования стали работы по теоретической и исторической поэтике (С. Н. Бройтмана, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпы) и работы по нарратологии (Ф.К. Штанцеля, Б.О. Кормана). А также исследования по феноменологии (Р. Ингардена) и аксиологии литературы (Л. Ю. Фуксона), эстетике (М. М. Бахтина, В. Изера), гносеологии воображения (Я. Э. Голосовкера) и исследования по феноменологической психологии (П. Рикёра, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра).

Материал исследования составили репрезентативные (включающие изучаемый художественный феномен) произведения русской и зарубежной литературы, преимущественно принадлежащие этапу «поэтики антитрадиционализма», или «художественной модальности» (что связано с повышенным интересом данной эпохи к изображению выделенного в работе явления, о чём подробно говорится во втором параграфе первой главы).

Научная новизна проведённого исследования состоит в выделении нового понятия теории литературы («воображаемый мир героя») на основании анализа явления поэтики литературного произведения («антитрадиционалистского» этапа развития), которое ранее не становилось предметом специального рассмотрения теории литературы. В работе также исследуется инструментальный потенциал предлагаемого понятия.

Достоверность и научная обоснованность результатов. Определение «воображаемого мира героя» представлено рядом формулировок, которые встраивают понятие в систему существующих понятий и категорий теоретической и исторической поэтики, восходящих в отечественной литературоведческой традиции к «эстетике словесного творчества» М.М. Бахтина. Изложение теоретико-литературных проблем опирается на анализ текста и «внутреннего мира» широкого круга репрезентативных литературных художественных произведений или их фрагментов (на языке оригинала и с учётом авторитетных переводов), что позволяет оценить продуктивность трактовок понятия «воображаемый мир героя».

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в *изучении свойств выделенного объекта* (образ реальности, отнесённый в произведении к сознательно или неосознанно воображающему персонажу), в *определении* присущей самому объекту *предметной области* (изображаемая автором как «мир в мире» воображаемая персонажем реальность) и отражении её в понятии («воображаемый мир героя»). Выделение явления и понятия позволяет охватить определённый аспект эстетики и поэтики литературного произведения теоретико-литературными логико-понятийными рамками. При дальнейшей популяризации понятие может быть экстраполировано в область исторической поэтики: изучение генезиса и развития явления будет способствовать уточнению представлений исторической поэтики о месте воображаемого и значении воображения как в конкретных «поэтиках», так и на разных стадиях развития литературы. Анализ художественного изображения процесса воображения и его результата, и выводы о специфике такого изображения, присутствующие в работе, дают основания смежным дисциплинам (эстетика, психология творчества) для уточнения представлений о процессе творчества и воображения.

Научно-практическая значимость. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при чтении курсов по теории литературы, сравнительному изучению литературы, по теоретической и исторической поэтике. Результаты могут использоваться при чтении спецкурсов по изучению специфики разных родов литературы, самосознания литературы в разные периоды, по исторической поэтике литературного героя, по изучению места

«воображаемого» и «вымышленного» как в конкретных «поэтиках», так и на разных стадиях развития литературы.

Структура диссертации включает Введение, три главы, Заключение, списки цитируемых художественных произведений и научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** производится постановка проблемы, формулируются цели и задачи исследования. Анализ понятий «фиктивный мир» (Е. Фарино) и «возможный мир» (С. Крипке, Я. Хинтикка), которые соотносились с выделенным явлением в западном литературоведении, показал, что они не удовлетворяют поставленной нами задаче определения образа реальности, отнесённого к осознанно или бессознательно воображающему герою и изображённому автором как «мир в мире».

Европейская языковая традиция использует латинское «*factio*» в его основном значении («выдумка, вымысел») для образования понятий, обозначающих художественный вымысел как необходимый параметр возникновения и существования литературного произведения (нем. *Fiction*, англ. франц *fiction*, польск. *fiksja literacka*). «Фиктивный мир» - это понятие, которое, по мнению Е. Фарино, опирается на противопоставление «сферы реальности» и «сферы фикции». Однако изображённая действительность может включать в себя принадлежащий персонажу образ реальности, не занимающий в ценностной структуре произведения позицию «фикции». «Фиктивный мир» - слишком узкое множество, которое лишь частично отражает сущность явления и задаёт однозначность эстетической оценки.

Понятие «возможный мир» опирается на выявление истинности или ложности семантики высказывания не только в «действительном мире», но и в других т. н. «возможных» мирах (или модальных контекстах), то есть при других обстоятельствах, другом течении событий или другом их понимании субъектом. Экстраполированное на литературное произведение, понятие С. Крипке и Я. Хинтикка используется в том числе (например, У. Эко) для обозначения модально-семантических закономерностей высказываний

персонажей как развёртывающих контекст «возможного мира» персонажа («подмира», по выражению У. Эко).

Можно видеть, что такой логико-лингвистический подход игнорирует эстетическую специфику литературного произведения, превращая воображаемый мир автора, читателя и героя в высказывания универсального типа. Соответственно, и образ мира, отнесённый к персонажу, не осмысливается как часть эстетического события, не рефлектируется как специфический предмет изображения автора в рамках данного подхода. «Возможные миры» - слишком широкое множество, полностью растворяющее эстетическую специфику того явления поэтики литературного произведения, которое мы определяем.

Мы предлагаем обозначить интересующее нас художественное явление как *«воображаемый мир героя»*. Это словосочетание не закреплено в отечественной теории литературы за другими объектами и, на наш взгляд, точно соответствует определяемому аспекту поэтики литературного произведения.

Эстетическое «завершение» персонажа, чей воображаемый мир развёртывается в произведении, представляет собой охват воображаемой сферы героя изображающей сферой автора. Поэтому мы определяем природу этого элемента поэтики литературного произведения как двоякую: с одной стороны, это *«мир в мире»* (образ реальности, источником которого является герой, обрамлён образом реальности, созданным автором). С другой - это «точка зрения», воплощённая в образ мира (кругозор героя, который автором всегда «высвечивается» разными способами, здесь предстаёт рассмотрению в образе мира).

Иными словами эстетическая проблема изображения воображаемого мира героя в литературном произведении связана с необходимостью показа воображающего персонажа «изнутри» его воображания (восприятия, переживания, осознания воображаемого) и в то же время «извне».

Глава первая «Воображаемый мир героя как понятие теоретической поэтики» посвящена определению явления и дефиниции понятия. Материалом для анализа стали эпические произведения М. де Сервантеса, Э. Т.-А. Гофмана, Ф. М. Достоевского, Г. Флобера, Р. Бредбери, стихотворения Ю.М. Лермонтова,

В. Набокова, Н. Гумилёва, Х.Л. Борхеса, пьесы М. Булгакова, В. Набокова, С. Беккета, С. Лема, А. Вампилова и др.).

В первом параграфе рассматривается вопрос о том, *какими возможностями изображения воображающего героя «изнутри» и «извне» обладают драматические, лирические и эпические произведения.* Способы изображения воображающего героя в разных родах литературы различны, так же, как и способы «обрамления» воображаемого мира героя художественной реальностью произведения.

Анализ литературных произведений разных родов литературы показал, что изображение «мира в мире» с двух ракурсов видения одновременно – «субъективирующего» и «объективирующего» – наиболее доступно для эпики. Архитектоническая форма «мира в мире» вводится автором в эстетический объект эпического произведения как специфический способ освещения позиций автора и персонажа. Возможность показа героя одновременно с предельно внутренней позиции его субъективности и в то же время с объективирующей позиции, сталкивающей точки зрения разных субъектов и взаимоосвещающей их, присущая эпике, реализуется при изображении воображаемого мира персонажа следующим образом. Оставаясь доступной наблюдению «сообщающей позиции» повествующего субъекта, внутренняя позиция персонажа *дополнительно объективируется, реализуясь в воображаемый мир.* Это делает внутреннюю позицию доступной рефлексии самого героя или других персонажей.

За пределами экспериментальных форм «неклассической драмы», возможности воплощения воображаемого мира героя в драме ограничены способом изображения, характерным для этого рода литературы. В т.н. «классической» драме преломлённый сквозь призму сознания персонажа образ мира вводится в развитие действия посредством описывающих реплик и монологов («речевой презентации»). Элементы воображаемого мира героя не показаны другим персонажам в условно-реальном мире пьесы (например, сны Катерины в драме А. Островского «Гроза»), однако включены в действие. Композиционно точка зрения персонажа может совпадать с границами «явления» или «сцены»; в этом случае она оформляет пространственно-временную дистанцию (границу) «воображаемого мира» по отношению к

основному действию.

В пьесах, изображающих воображаемый мир героя как отдельный слой реальности, «классическая» событийность драмы меняет свою природу: высказывания воображающего героя создают или манифестируют реальность воображаемого, которое в их кругозоре занимает центральное место и претендует на то, чтобы занимать такое место в кругозоре читателя / зрителя. Позиция зрителя или читателя такой пьесы, занимающего положение свидетеля, удостоверяющего событийность происходящего, теряет свою устойчивость. Драматической формой, которая способна изобразить смену планов видения, связанную с переходом (часто мгновенным) от непосредственно развёртывающегося «реального» к «воображаемому», телесное «развоплощение» героя в воображаемом мире (например, позицию «все-присутствия» героя относительно «воображаемого мира»), «психологическое время», «неразличение» воспринимающим субъектом «реального» и «воображаемого», является «монодрама».

Что касается лирики (Нового времени), выделение ценностного контекста, который представляет собой отдельный «слой» мира, преломлённый сквозь призму воображения лирического «я» или лирического субъекта («мир в мире»), возможно в тех случаях, когда подобное разделение мира на отдельные «слои» становится главным предметом переживания в стихотворении. В этом случае лирическое «я» сосредоточено на переживании воображаемого события, которое представляет собой контакт с образом мира, осознаваемым как «воображаемый». Лирический герой занимает позицию пространственной и временной «внезаходимости» по отношению к этому образу мира. В целом, в лирике «крайнее углубление во внутренний мир одной личности» (Т. Сильман) предполагает редукцию специфической границы между «воображаемым» и «реальным». «Эпизация» лирики и драмы изменяет отношения этих родов с воображаемым миром героя.

Во втором параграфе первой главы *определяются основания для дефиниции* воображаемого мира героя в эпическом литературном произведении *через рассмотрение исторически конкретных вариантов его изображения*. Анализ произведений Нового времени, романтизма, реализма, «неклассической литературы» XX века показал, что значимыми аспектами феномена являются

особенности включённости воображения как важного элемента в изображение человека и соотнесённость воображаемого мира героя с художественной реальностью произведения.

Характеризуя воображаемый мир героя как образ мира, созданный осознанно или бессознательно воображающим персонажем, необходимо сказать следующее. Он возникает в воображении (во «внутреннем мире» персонажа), и в качестве воплощённого материализованного элемента («мира») может входить в «условно-реальный» мир произведения. Воображаемый мир героя – это «мир в мире»: он усложняет организацию художественной реальности (в первую очередь, как пространственного и временного целого), обуславливая поляризацию «воображаемого», «иллюзорного», «эстетического» и, с другой стороны, «реального» в архитектонике эстетического объекта. Воображаемый мир является такой интенцией героя, которая представляет собой идеально-смысловой модус его жизненной активности и эстетически открывается автором как значимое жизненное содержание.

Воображаемый мир героя как элемент архитектоники литературного произведения, по-видимому, входит в область явлений, особенно близких «порождающему принципу» т. н. эпохи «художественной модальности» (С.Н. Бройтман).

Представляя собой «форму посягательства на реальный мир» (Д. Максимов), суть которой, как мы предполагаем, связана с переживанием скрытых от субъекта в реальности смыслов, воображаемый мир героя расшатывает границы между «объективно реальным» и «возможно реальным».

Создание образа реальности и бессознательное воображение реализуют движение персонажа к границам «бесконечных возможностей и несовпадения с самим собой» отмеченное М.М. Бахтиным как характерное для этой эпохи (*Бахтин М.М. [К вопросам самосознания и самооценки...] // Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – с. 241-249. – с. 243.*). Поскольку осознание скрытых смыслов может носить характер опыта, «восполняющего» субъекта, но может быть изображено и как «расподобляющий» субъекта опыт переживания мира, размыванию будут подвергаться не только границы «объективно реального» и «возможно

реального», но и границы субъектной идентичности героев («я» и «не-я», я и «образа я»).

Актуальность изображения воображаемого мира героя в «неклассической» литературе XX века эпохи «художественной модальности» обусловлена также и повышенной рефлексивностью «неклассического» искусства. Воображаемый «мир в мире» в его «творческой» разновидности (воображаемый мир героя-творца) – это «метаобраз», поскольку он как предмет изображения позволяет проследить процесс становления эстетической реальности художественного произведения.

Но и «не-творческая» разновидность воображаемого мира героя (сновидение, галлюцинация, мечта, воспоминание, виртуальный мир, «чужой» образ мира) причастна к специфической метарефлексивности «неклассической» литературы. Эти «не-творческие» разновидности воображаемого мира героя часто помещают в кругозор автора и читателя ситуацию *эстетизации реальности* и проблему *замещения* реальной действительности эстетизированной, претендующей на то, чтобы замкнуть героя в своих рамках. Тем самым художественно исследуется специфическая для модернистской и постмодернистской литературы проблемность взаимоотношений реальности действительной и художественной, а также виртуальность самих этих взаимоотношений как чётко оформленных.

Во второй главе «**Воображаемый мир и ценностные позиции героя и автора**» определяется, как влияет на авторскую оценку, выраженную в самом способе изображения, предмет изображения (воображаемый мир героя), а также то, как соотносятся ценностные позиции воображающего героя, воспринимающего чужой воображаемый мир персонажа и автора. Материалом для изучения стали произведения В. Брюсова, А. Грина, Р. Бредбери, Х. Кортасара, В. Набокова, С. Кржижановского, М. Павича и др.

В первом параграфе второй главы рассматривается *соотношение границ кругозора героя и границ воображаемого мира*. Как известно, кругозоры персонажей освещены в произведении с разной степенью полноты в зависимости от значимости для автора. *Кругозор воображающего героя интересует автора как основной предмет изображения.*

Анализ произведений показал, что воображаемый мир выступает как способ конкретизации смыслов в образе мира, способный сделать извне воспринимаемым содержание «внутреннего мира» воображающего героя, вывести его «на границы» наличного существования в точку оценки и стать отправной точкой возможного изменения или поступка.

Чаще всего границы кругозора персонажа изображаются как «объемлющие» по отношению к воображаемому миру (восприятие себя и реальности в сновидении, воспоминании, мечте, фантазии, в мирах создаваемых персонажем произведений и т.п. «охвачено» изображённым сознанием героя вне этих состояний). Ценностный смысл такого «вмещения» воображаемого мира в кругозор героя – в утверждении значимости «опыта воображаемого» для «опыта настоящего» героя. Другой вариант соотношения границ кругозора субъекта и воображаемого мира – границы воображаемого мира изображаются как объемлющие по отношению к кругозору субъекта. Ценностный смысл такого расширения воображаемого мира до границ кругозора субъекта может варьироваться – от утверждения значимости опыта воображаемого самого по себе, в отрыве от реальности, несмотря на то, что такое расширение воображаемого превращается в завершение жизненного события субъекта, до утверждения воображаемого как единственно доступного субъекту варианта целостной самоидентификации.

Во **втором параграфе второй главы** рассматривается то, как встраивается *«чужой» воображаемый мир в кругозор других персонажей*. Воображение как специфическая интенция изображённого в произведении субъекта обуславливает угол зрения и ракурс оценки субъектом окружающей его действительности. И в то же время формирует объект оценки – воображаемый мир, который, представляя собой воплощённую в образ мира оценку, становится доступен реакциям самого воображающего героя и (часто) других персонажей. Поскольку субъектам эстетического уровня (автору и читателю) ракурс видения персонажей доступен и без такого оформления ценностной позиции героя в образ мира, объектом оценки в этом случае становится именно воображение как специфическая интенция изображённого субъекта и воображаемый мир как специфический результат воображающей активности героя.

Иными словами, воображаемый мир героя выявляет ценностную позицию героя: отношение к реальной действительности, окружающей персонажа, к внутреннему миру самого героя. И в то же время сам воображаемый мир как продукт воображения героя и воплощённая в образ мира оценка становится объектом оценивания и реакции со стороны других субъектов (познавательно-этического и эстетического планов).

В **третьем параграфе второй главы** предметом рассмотрения становится *авторское осмысление ценности «воображаемого»*, значимости разнообразных отношений персонажей с ним. Анализ показал, что при сохранении в одних случаях в изображении воображаемого мира героя «общей формулы основного эстетически продуктивного отношения автора к герою», возможны и другие (альтернативные) варианты его «завершения». Альтернативное завершение воображаемого мира героя охватывает случаи, когда воображающий герой или событие взаимодействия героя с воображаемым миром по той или иной причине не могут быть завершены «традиционным» способом. В этих случаях можно констатировать изменение способа эстетической объективации автором такого героя, внутренняя граница личности которого подвижна за счёт включения в процесс самоопределения коммуникации с воображаемым миром («встречи», познания и пересечения ценностных границ «воображаемого» и «реального», «внутреннего» и «внешнего» миров). Воображающий герой, изображённый автором в событии постоянного *перехода* указанных границ, *размывания* либо их *поиска*, может быть отождествлён с так называемым *гротескным субъектом*, представляющим неклассический образ человека в литературе.

На основании наблюдений, сделанных над субъектной организацией рассмотренных произведений, можно сделать вывод о том, что воображаемый мир персонажа – это феномен, отражающий контекст формирования неклассической концепции личности и уточняющий его специфику.

Третья глава исследования «**Воображаемый мир как элемент художественной структуры литературного произведения**» посвящена описанию свойств художественной структуры произведений, включающих воображаемый мир героя. Материалом для изучения стали произведения А. П. Чехова, В. Брюсова, Э. Дансейни, Р. Бредбери, Р. Шекли, В. Набокова, Р. Желязны, М. Павича, Акутагавы Рюноске, К. Абе, Л. Петрушевской и др.

В первом параграфе рассматриваются *основные принципы изображения пространственно-временных координат* воображаемого мира героя, определяются взаимоотношения с такой категорией, как *хронотоп*.

«Воображаемый мир» как «мир в мире» существенно хронотопичен. Поскольку воображаемый мир в некоторых случаях является разновидностью границы (когда он изображается как промежуточное пространство между сферами «реального» и «чудесного»), он обладает потенциальной способностью организовывать сюжетное событие (пересечение персонажем границы пространственно-временных и смысловых сфер). В то же время в построение воображаемого мира может быть внесён момент статики (принципиальной неизменности, постоянства), содержащий в себе предпосылки перемен. Это значит, что в отдельных случаях воображаемый мир обуславливает сюжетную ситуацию. Всё сказанное позволяет заключить, что *в пространственно-временной организации произведения* воображаемый мир героя *определяет уровень «частных»* (формирующих отдельное сюжетное событие или сюжетную ситуацию) *хронотопов*.

Во втором параграфе третьей главы производится *анализ элементов сюжетной структуры*, который позволяет выделить два основных типа сюжета, характерных для произведений, включающих воображаемый мир героя. *Первый вариант сюжета* опирается на событие установления границ. В этом случае «событие жизни» оформляется автором в «сюжетное целое» посредством «оконтуривания» – определения героем границ «воображаемого» и «реального», познания героем границ собственной идентичности и обретения устойчивой позиции в бытии. Смысл контакта героя с воображаемым миром в сюжете этого типа – в испытании на самоидентичность, в результате которого границы личности (телесные и духовные) как бы заново устанавливаются и утверждаются. Семантика неопределённости, вариативности, возможности делает воображаемый мир сюжетным испытанием, цель которого – привести героя к утверждению себя заново.

Во втором случае воображаемый мир героя, в условно-реальном мире персонажей изначально ограниченный, в финале утрачивает семантические границы с действительностью. *Центральным сюжетным мотивом становится событие размывания границ*, его основа – финальный пуант, в результате которого не только распадается мнимая целостность всех персонажей, но и

возникает герменевтически продуктивное состояние, открывающее неопределённость как свойство принципиально незавершённой жизни. В этом случае сюжет строится автором как *размыкание* и *открытие* жизненного события, замкнутого по какой-то причине. Это замыкание, невидимое самому герою, «открывается» благодаря встрече с воображаемым миром, воплощающим то, что изначально сознанию самого героя принципиально недоступно.

В третьем параграфе третьей главы рассматриваются *особенности субъектной структуры* и *способы организации события рассказывания* в произведениях, которые включают воображаемый мир героя. Анализ произведений показал, что описание воображаемого мира вводится в событие рассказывания посредством одного из следующих возможных воспринимающих и говорящих субъектов – воображающего героя, персонажа-реципиента или повествователя.

Построение повествовательной перспективы относительно единого сознания субъекта, осуществляющего событие рассказывания, подразумевает соблюдение границ сознания и речи и сохранение двух противоположных точек зрения («извне» и «изнутри») на воображаемый мир и на субъекта, с ним связанного. Речевое оформление такой структуры представляет собой в одних случаях – чередование высказываний повествователя и героя; в случае бессловесности «персонажа» (при высказывании только в форме «внутренней речи» или неформальности точки зрения персонажа в слово) такое чередование представлено сочетанием «изображающих» высказываний повествователя и несобственно-прямой речи, эксплицирующей точки зрения персонажей. В других случаях названная структура выражается повествованием от первого лица, в котором неизбежно проявляющаяся разность восприятия одного и того же события героем-рассказчиком создаёт «событие рассказывания». Такая структура повествования может быть обозначена как «моносубъектная», а способ организации события рассказывания соответствует т. н. «прямой» повествовательной перспективе.

Повествовательная структура, которая не только стремится к максимальному совмещению кругозора повествователя с кругозором воображающего героя, представленного его воображаемым миром, но и использует композиционно-речевые формы, подразумевающие нарушение границ или даже слияние (субъектов высказывания, самих высказываний),

невозможна в рамках т. н. «прямой» перспективы изображения. Интерес автора к кругозору воображающего героя, представленного воображаемым миром, в качестве варианта трансформируется в изображение нескольких равноправных субъектов сознания с их «мирами». Взаимодействие нескольких отдельных и самостоятельных «персональных» (т. е. построенных относительно сознания и восприятия субъекта-персонажа) перспектив при отсутствии объемлющей перспективы повествователя создаёт «полисубъектную» повествовательную структуру; способ организации события рассказывания при этом соответствует т. н. «обратной» повествовательной перспективе.

Повышенная подвижность сознания изображённых субъектов, выраженная через сюжетное взаимодействие «я» героя и «не-я», порождена контактом и с действительной реальностью, и с воображаемой одновременно. Такой контакт создаёт поле для возникновения «я в форме другого» или «другого в форме я», то есть взаимодействие героя с воображаемым миром создаёт образ человека, самосознание которого разложило образ «я» на «я» и «другого». Эта особенность архитектоники субъектной структуры создаёт единство рассказываемого события и события самого рассказывания. Анализ повествовательных структур показал повышенный интерес к изображению человека с его субъективной позицией. Воображающий герой показан автором благодаря изображению *воображаемого мира / воображаемой реальности* не только глубоко «изнутри», но часто с нарушением границ сознаний разных субъектов («повествующего» и «персонажного» планов). Эти свойства, наряду с другими, подтверждают первоначальное предположение о том, что изучаемое явление характеризует т. н. «поэтику художественной модальности» (С. Н. Бройтман), произведения «классического» и «неклассического» периодов которой стали материалом настоящего исследования.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, обозначается перспектива дальнейшего изучения воображаемого мира героя.

Мы выделили и описали тот аспект в художественной структуре литературного произведения, который схватывается понятием «воображаемый мир героя». Это изображённый автором как «мир в мире» особый модус жизненной активности персонажа, представляющей собой сознательное или бессознательное образотворчество. Присутствие этого модуса в произведении связано со специфическим интересом автора к внутреннему миру персонажа

(«кругозору»), развёрнутому в образ реальности.

Такой образ реальности, отнесённый к персонажу, осуществляется во множестве форм (сновидение, мечта, фантазия, воспоминание, грёза, мираж, галлюцинация, связанная с особым состоянием сознания – опьянением, болезнью, душевным расстройством, безумием; формирующийся в воображении героя-творца или читателя-сотворца / зрителя / слушателя образ произведения, «виртуальный мир»). Объединение множества конкретных форм в одно понятие позволяет преодолеть хаотическое разноречие, характерное для ряда литературоведческих исследований этого аспекта поэтики литературного произведения.

Описание и анализ выделенного явления в поэтике литературных произведений разных эпох, родов и жанров, проведённые в работе, показывают, что понятие «воображаемый мир героя» имеет «инструментальный» характер и может продуктивно применяться в анализе и интерпретации произведений разных родов и жанров.

Изображённое взаимодействие воображаемых миров и образов реальности разных героев даёт материал для изучения *проблемы «субъектного синкретизма»* и *«неосинкретизма»*, аспекты которой продуктивно рассматриваются современной теорией литературы в произведениях разных родов литературы.

Многие, лишь намеченные нами, аспекты теоретической и исторической поэтики воображаемого мира героя, ждут своего дальнейшего изучения.

Основные положения работы изложены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых изданиях ВАК:

1. Дрейфельд О.В. Поэтика и эстетика «воображаемого мира» в автобиографии: позиция «автора» и «читателя» (В. Набоков «Другие берега») // Вестник КемГУ – серия «Филология» - 2004. - Вып 4 (12). – с. 172-178.
2. Дрейфельд О.В. Воображаемый мир героя в драме. // **Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; URL: www.science-education.ru/117-13224** (дата обращения: 1.09.2014).
3. Дрейфельд О.В. «Воображаемый мир героя» как понятие теоретической поэтики: к постановке проблемы. // **Филологические науки. Вопросы**

теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. - С. 63-65.

4. *Dreyfeld O.V.* Imaginary World of a Character as theoretical poetics concept. // «The Second International Congress on Social Sciences and Humanities». **Proceedings of the Congress (19 May, 2014)**. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2014. - 406 P. – P. 196-203.

Главы в коллективных монографиях:

5. *Дрейфельд О.В.* Воображаемый мир и его смысл // Литературное произведение как герменевтическая проблема: коллективная монография. / Ю.В. Поковырин, О.В. Дрейфельд, Л.Ю. Фуксон, А.М. Павлов, М.А. Лагода. - Кемерово: «ГОУ ВПО КемГУ», 2011. – с. 19-41.

Статьи в сборниках конференций:

6. *Дрейфельд О.В.* Поэтика и эстетика «воображаемого мира» в автобиографии В. Набокова «Другие берега»: позиция автора и читателя. // Картина мира: модели, методы, концепции. Материалы Всероссийской Междисциплинарной школы молодых учёных «Картина мира: язык, философия, наука». – Томск: Издание ТГУ, 2002. – с. 300-305.
7. *Дрейфельд О.В.* Герменевтика «авторской рефлексии» в нехудожественных произведениях В. Набокова. // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – с. 150-154.
8. *Дрейфельд О.В.* «Воображаемый мир героя» в понятийном поле теоретической поэтики. // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 декабря 2013 г. В 8 ч. – Ч. 2 – Москва: АР-Консалт, 2014.- с. 52-60.
9. *Дрейфельд О.В.* «Воображаемый мир героя» как понятие теоретической поэтики: к постановке проблемы. // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года). — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. Ч. I. — с. 272-275.